

0- 791874

На правах рукописи

Капрэ

КАПРЭ Елена Николаевна

**СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
В ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТАХ**

10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

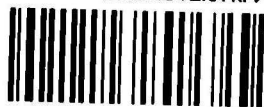
**Калининград
2011**

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Ваулина Светлана Сергеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Шептухина Елена Михайловна
(ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»)

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000710629

кандидат филологических наук,
доцент
Хабарова Ольга Викторовна
(ФГБОУ ВПО «Калининградский государственный технический университет»)

Ведущая организация:

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 16 декабря 2011 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета при Балтийском федеральном университете им. И. Канта по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56, факультет филологии и журналистики, ауд. 231.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Автореферат разослан 14 ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.Л. Кочеткова

Реферируемая диссертационная работа посвящена анализу одного из структурно-содержательных фрагментов функционально-семантической категории модальности – субъективной модальности в древнерусских и старорусских житийных текстах.

Выбор темы нашего диссертационного исследования обусловлен рядом причин.

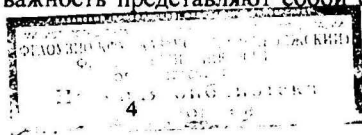
Одна из причин состоит в том, что функциональный подход к анализу языковых фактов, поставивший в центр исследовательского внимания так называемый человеческий фактор как важный экстралингвистический компонент языковых преобразований, вполне закономерно потребовал более глубокого изучения функционального статуса различных языковых единиц и категорий, и в первую очередь «стержневых семантических категорий, формирующих непосредственную связь высказывания с внеязыковой действительностью и устанавливающих его коммуникативную перспективу» [Ваулина, Кукса 2009: 513]. К числу таких категорий относится, по общепризнанному мнению, языковая модальность.

Категория модальности активно изучается лингвистами сравнительно недавно, однако как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе уже накоплен богатый материал (В.В. Виноградов, Ш. Балли, Л. Дюровиц, Р. Мразек, П. Адамец, В.Г. Адмони, А.Б. Шапиро, Г.А. Золотова, Е.Г. Гулыга, Т.П. Ломтев, Л.С. Ермолаева, Т.Б. Алисова, А.В. Бондарко, Е.В. Падучева, В.З. Панфилов, В.Г. Гак, И.Р. Гальперин, Н.Е. Петров, Е. Беличова-Кржижкова, Д. Рытель, Дж. Лайонз, Е.М. Вольф, Г.В. Колшанский, В.Г. Бондаренко, Б.В. Хрычиков, Г.П. Немец, Т.В. Шмелева, С.С. Ваулина, Н.Ю. Павловская, Б. Ханзен, С.Я. Гехтляр, Е.В. Милосердова, О.В. Трунова, З.Я. Тураева, П.А. Эслон, А.В. Зеленщиков, Е.А. Попова, З.Л. Новоженова, С.Т. Нефедов, Д.А. Парамонов, И.Ю. Кукса и др.). При этом вполне закономерно, что сложность и многоплановость исследуемой категории обусловили появление различных концепций относительно семантического объема, состава, структуры, функциональной иерархии средств выражения модальности и данная категория до сих пор «устойчиво сохраняется как признанный предмет дискуссий» [Бондарко 1990: 59]. Одним из наиболее дискуссионных вопросов, широко освещаемых в работах лингвистов, является специфика межкатегориальных связей модальности и прежде всего отношений модальности и оценочности, тесная взаимосвязь которых представляется очевидной большинству исследователей и объясняется наличием оценки «повсюду, где происходит какое бы то ни было

соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [Колшанский 1975: 142]. При этом отдельные виды оценок, не являясь собственно модальными, значительно обогащают план содержания модальности, активно используя для выражения различных модальных смыслов, что особенно наглядно происходит в тексте [См.: Ваулина 2009: 4].

Именно поэтому, и это также является причиной нашего выбора темы диссертации, адекватный семантический анализ модальности возможен только при учете ее функционирования в речи, высшей единицей которой является текст, пронизанный «субъективностью и антропоцентрическими устремлениями, а антропоцентричность выражается в речи и как субъективно-модальное значение» [Бабенко, Васильев, Казарин 2000: 194]. Модальность, по мнению исследователей, является важнейшим элементом текстообразования и текстовосприятия, соединяющим все единицы текста в нечто единое по смыслу и структуре. Именно в тексте актуализируются значения всех модальных единиц, в результате взаимодействия и синтеза которых возникает модальный смысл текста, представляющий собой сложное явление, не равное простой сумме модальных значений единиц, составляющих текст [Валгина 2003: 96 – 104]. Не случайно модальность текста является объектом активного внимания специалистов, которое особенно заметно усилилось в последние десятилетия в связи с последовательной антропоцентрической направленностью современных лингвистических исследований, что получило отражение в многочисленных публикациях различного, в том числе монографического и диссертационного характера [Солганик 1984; Тураева 1989, 1994; Сергунина 1990; Мухтаруллина 1997; Федоровская 1997; Базалина 2001; Мещеряков 2001; Бабенко, Васильев, Казарин 2000; Падучева 2001; Ваулина 2003; Трофимова 2004; Островецкая 2004; Алимпиева 2008; Кукса 2008; Кормилицына 2008; Бабенко 2009; Лопатюк 2009 и др.].

При этом следует отметить, что большинство исследований, посвященных текстовой модальности, осуществлено на материале современных текстов. Однако с учетом «исторической изменчивости содержания и форм обнаружения модальности» [Виноградов 1975: 55], а также имея в виду «исторические изменения в тенденциях и результатах взаимодействия грамматических, лексических и словообразовательных единиц, классов и категорий на семантико-функциональной основе» [Бондарко 1984: 89], полагаем, что не меньшую важность представляют собой соответствующие

исследования в диахроническом аспекте, основные направления которых подробно освещены в работах С.С. Ваулиной [Ваулина 2005, 2010].

В плане сказанного большой интерес представляют житийные тексты, относящиеся к ключевым жанрам древнерусской и старорусской книжности [Толстой 1988: 168] и имеющие важное значение для формирования христианского мировоззрения, становления русской национальной ментальности. Не случайно изучение церковных памятников письменности, и в том числе агиографических текстов, В.В. Виноградов относил к числу неотложных задач для историков русского языка, считая, что такое изучение позволяет «установить с необходимой полнотой и точностью основные этапы и закономерности развития книжно-славянизированного типа литературного языка с его структурным своеобразием и со свойственными ему приемами красноречия, риторическими правилами» [Виноградов 1978: 104 – 105].

Следует отметить, что в отечественной филологии интерес к агиографической литературе имеет давнюю традицию. При этом наряду с литературно-культурологическими и источниковедческими работами [Ключевский 1988; Адрианова-Перетц 1947; Дмитриев 1973; Лихачев 1956, 1973; Топоров 1995, 1998; Васильев 2008; Охотникова 2009; Мещерякова 2009; Мороз 2010 и др.] имеется большое количество собственно лингвистических исследований, посвященных изучению житийных текстов в разных аспектах, прежде всего в лексическом [Иванова 1987; Митина 2000; Рогожникова 2003, 2007], а также в семантико-грамматическом [Рудыкина 2000; Абрамова 2004; Стародубцева 2008], лингвостилистическом [Рогожникова 1988; Шакирова 1999; Полетаева 2005], однако комплексные исследования житийных текстов с точки зрения особенностей выражения в нем субъективно-модальных значений не проводились.

Таким образом, **актуальность** избранной нами темы диссертационного сочинения обуславливается как **объектом** исследования, в качестве которого послужил важный структурно-содержательный фрагмент функционально-семантической категории модальности – поле субъективной модальности – в житийных текстах донационального периода, так и непосредственным **предметом** исследования – установлением плана содержания и плана выражения субъективно-модальных (модально-оценочных) и собственно модальных значений в древнерусских и старорусских житийных текстах.

Цель диссертации – рассмотреть содержательную структуру и план выражения функционально-семантического поля субъективной модальности в древнерусских и старорусских житийных текстах.

На достижение вышеуказанной цели исследования направлено решение ряда конкретных задач, в числе которых:

- определить план содержания субъективной модальности, репрезентированный в исследуемых житийных текстах;
- выявить и охарактеризовать экспликативные функционально-семантического поля субъективной модальности;
- установить функциональную иерархию средств, выражающих субъективную модальность;
- определить типологические признаки средств выражения рассматриваемых модальных значений в исследуемых текстах.

Цель и задачи диссертационного сочинения определили необходимость применения комплексной методики анализа, включающей различные исследовательские методы:

- структурно-семантический метод, предполагающий рассмотрение семантики исследуемых языковых единиц в соответствии с их статусом в системе и выявление системности их взаимодействия;
- контекстуальный метод, ориентированный на выявление элементов слова, обусловленных контекстом;
- метод сопоставительного и компонентного анализа;
- метод количественных подсчетов.

Теоретической базой для диссертационного исследования послужили работы, посвященные теоретическим проблемам языковой модальности [Балли 1955; Бенвенист 1974; Виноградов 1975, 1986; Золотова 1962, 1973 и др.], разработке функционально-семантического подхода к изучению модальности [Бондарко 1971, 1996, 2001; Беляева 1985; Гехтляр 1986; Ваулина 1988, 1993; Павловская 2001], исследованию модальности в диахроническом аспекте [Черепанова 1965; Озолина 1970; Ваулина 1988, 2005; Дронова 2002]. При изучении функционирования экспликативных субъективной модальности в древнерусских и старорусских житийных текстах были использованы основные положения, разработанные в социокультурных и поэтико-стилистических исследованиях агиографической литературы [Дмитриев 1973, Лихачев 1973, Ключевский 1988, Живов 1994, Топоров 1995, Минеева 1999, Колесов 2001 и др.].

Материалом для исследования послужила картотека, насчитывающая 6000 примеров, извлеченных методом сплошной выборки из 12 источников – древнерусских (XI – середина XIV вв.) и старорусских (конец XIV – нач. XVII вв.) житийных текстов. Выборка материалов осуществлялась из следующих памятников письменности: Житие Авраамия Смоленского (сер. XIII века), Житие Александра Невского (1263 – 1280 гг.); Житие Антония Римлянина (XVI век); Житие Георгия Нового (вторая половина XV века); Житие Димитрия Солунского; Житие Кирилла Белозерского (вторая половина XV века); Житие Макария Чудотворца; Житие Сергия Радонежского (начало XV века); Житие Феодосия Печерского (вторая половина XI века); Повесть о житии Михаила Клопского (вторая половина XV века); Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича (XIV – середина XV века); Слово о житии Стефана (1396 – 1398 гг.).

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые проведено комплексное исследование одного из фрагментов функционально-семантической категории модальности – субъективной модальности – при ее функционировании в древнерусских и старорусских житийных текстах.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в ней наблюдения и выводы могут способствовать дальнейшей разработке на функциональной основе теоретических проблем модальности как языковой и текстовой категории в синхронно-диахроническом аспекте, установлению особенностей взаимодействия категорий субъективной модальности и оценочности в динамике их формирования и развития в русском языке.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в вузовских курсах по исторической лексикологии, функциональной грамматике, исторической грамматике и исторической стилистике русского языка, в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам модальности текста в диахронии и синхронии русского языка.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории русского языка и сравнительного языкознания Балтийского федерального университета им. И. Канта, докладывались на ежегодных научных семинарах аспирантов БФУ им. И. Канта (2008, 2009, 2010 гг.), на Международных научных конференциях «Оценки и ценности в современном научном познании»

(Калининград, 2008 г.), «Модели в современной науке: единство и многообразие» (Калининград, 2009 г.), «Поэтика хронотопа: языковые механизмы и когнитивные основания» (Вильнюс, 2010 г.), были изложены в материалах заочной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики, психолингвистики и лингводидактики» (Орск, 2008), а также опубликованы в 8 статьях автора.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Субъективная модальность как составная часть функционально-семантической категории модальности выполняет важную текстообразующую функцию в житийных памятниках древнерусской и старорусской письменности.

2. План содержания субъективной модальности, тесно связанной с категорией оценочности, в житийных текстах составляют субъективно-модальные оценочные значения (значения морально-нравственной, эстетической, рациональной и эмоционально-экспрессивной оценки), а также собственно модальные значения (значения возможности, желательности и необходимости), которые при функционировании в тексте теряют объективную «направленность» и приобретают субъективно-оценочный характер.

3. План выражения поля субъективной модальности в житийных текстах, выступающий в виде отдельных модальных микрополей со своим центром и периферией, определяется планом его содержания, основу которого составляют морально-этические представления авторов житий, а также житийная традиция. При этом модальные микрополя, формирующие субъективную модальность, отличаются проницаемостью, диффузностью их границ, что достаточно наглядно проявляется в случаях совмещения значений субъективной модальности и средств их выражения.

4. К ядру поля субъективной модальности относятся лексические средства выражения субъективно-модальных оценочных значений, периферию занимают безмодификаторные грамматические средства, а также лексические экспликативы собственно модальных значений, которые, формируясь в отношениях между субъектом действия (состояния) и действием (состоянием), в значительной мере выявляют в себе субъективно-оценочный компонент.

5. Состав конкретных субъективно-модальных значений и степень частотности их реализаций в рассматриваемых текстах имеет непосредст-

венную соотнесенность с жанрово-стилевой спецификой житийных текстов.

Поставленные в диссертации цель и задачи определяют **структуру** работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, содержащей список использованной научной литературы, словарей, энциклопедических изданий, указатель источников, а также включает 5 приложений, содержащих статистические данные и иллюстрирующих результаты исследования.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы диссертации, определяются предмет, объект, цели и задачи исследования, указывается материал исследования и методы его анализа, обосновывается актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические основы исследования»**, состоящей из шести параграфов, рассматриваются теоретические вопросы дискуссионного характера, имеющие непосредственное отношение к исследуемой проблеме, а также формулируются исходные теоретические позиции автора; рассматривается содержательный объем семантических категорий модальности и оценочности и устанавливается их структурно-функциональная иерархия, характеризуются особенности взаимодействия различных видов оценок и модальности; обосновывается выбор текстового материала исследования.

В **первом параграфе** рассматриваются существующие в современном языкознании подходы к определению семантического объема категории модальности, ее грамматического статуса, которые суммарно можно свести к двум основным подходам: узкому и широкому.

Сторонники узкого подхода ограничивают круг значений, входящих в модальность, отношением содержания высказывания к действительности в плане возможности и необходимости (объективная модальность) и отношением говорящего к содержанию высказывания (субъективная модальность) [Колшанский 1961, Панфилов 1971, Бондаренко 1979, Парамонов 2010, Мещеряков 2001].

Сторонники широкого подхода, наиболее распространенного в языкознании, в содержательный объем модальности включают значения реаль-

ности / нереальности, достоверности, вероятности, необходимости, возможности, желательности [Виноградов 1975; Балли 1955; Русская чешская грамматика 1979; Русская грамматика 1980], а также утверждение / отрицание [Адмони 1956], эмоциональность [Шведова 1960; Mrazek 1973; Грепл 1978; Адамец 1978; Петров 1982; Вольф 1985; Пиотровская 1994; Трофимова 2004], авторизация, оценка [Клобуков 1984; Вольф 1985; Краснова 2002], волеизъявление [Кукса 1997; Попова 2000; Демидова 2005], прагматика контекста [Прокофьева 1990; Пуховская 1995], вопрос / ответ [Бенвенист 1974; Распопов 1981; Рагозина 2008].

При этом в зависимости от того, какие значения включаются исследователями в план содержания модальности и какие средства признаются компонентами плана ее выражения, модальность трактуется как семантическая категория [Виноградов 1975, Колшанский 1961, Арутюнова 1976], лексико-грамматическая категория [Гулыга, Шендельс 1969], совокупность грамматических категорий предложения [Ломтев 1972, Корди 1990], синтаксическая категория [Балли 1955; Пешковский 1956; Алисова 1971; Ермоласва 1978, Золотова 1973; Гак 1978], как таксономическая категория [Трунова 1991], семантико-грамматическая категория [Ломтев 1972; Шмелева 1984], коммуникативно-синтаксическая категория [Степанов 1981; Петров 1982], функционально-семантическая категория [Бондарко 1971, 1990; Беляева 1985, 1988; Ваулина 1988, 1991; Новоженова 2008].

Между тем активно разрабатываемая в последние десятилетия теория функциональной грамматики позволяет снять многие терминологические и сущностные противоречия в понимании модальности. Исходя из постулатов функциональной грамматики, мы рассматриваем модальность как функционально-семантическую категорию, что «дает возможность наиболее оптимально раскрыть, объяснить языковые факты в их конкретной реализации, показать средства языковой передачи экстралингвистических ситуаций» [Петровская 1989: 64].

Во *втором параграфе* излагаются концепции лингвистов, рассматривающих модальность как функционально-семантическую категорию (А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Е.В. Гулыга, Е.И. Беляева, С.С. Ваулина, Н.П. Макарова, П.А. Эслон, М.В. Зайнуллин, М.В. Ляпон, А.В. Зеленщиков, Н.Ю. Павловская, З.Л. Новоженова и др.).

Опираясь на принцип функционального подхода, при котором анализ языковых явлений направлен «как от семантики к средствам, так и от формы к функциям» [Бондарко 1984: 4], функциональная грамматика рас-

считывает в единой системе разноуровневые средства языка, объединенные на основе общности выполняемой ими семантической функции и организованные по принципу поля (см. об этом подробней: [Щур 1974; Гулыга, Шендельс 1969; Бондарко 1984; Петровская 1989]). В плане сказанного представляется вполне правомерной квалификация модальности как «широкой семантической категории, состоящей из двух содержательно разнородных модальных пластов: пропозициональной и прагматической модальности» [Ваулина 1993: 17]. Пропозициональная модальность (объективная и ситуативная), фиксируя события внеязыковой действительности с точки зрения реальности/ирреальности, возможности, необходимости, а также желательности, участвует в формировании номинативного аспекта предложения, а прагматическая модальность – в формировании его прагматического аспекта, т.е. выражает субъективно-авторскую оценку сообщения о событии внеязыковой действительности/

В *третьем параграфе* рассматривается вопрос о разграничении объективной и субъективной модальности. Следует отметить, что применительно к языку многими учеными проводится последовательное выделение и разграничение данных типов модальности, намеченных еще В.В. Виноградовым и широко представленных в традиционных классификациях модальных значений (см., например: [Золотова 1962: 65 – 79; Панфилов 1977: 37 – 48; Гак 1983: 154; Русская грамматика 80: 215]). Объективная модальность отражает объективные связи, наличные в данной ситуации, непосредственную предметную соотнесенность, интеллектуальное содержание, независимый от акта общения денотат. Субъективная модальность указывает на степень достоверности высказанной мысли, ее «денотатом» является оценочное отношение говорящего к степени познанным соответствующих объективных связей [Ваулина 2004: 18].

Применительно же к модальности текста ситуация выглядит сложнее. «Как только предметом рассмотрения, – отмечает Л.Г. Бабенко, – становится текстовая модальность, стройность и четкость дифференциации модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересеканность и взаимодействие» [Бабенко 2009: 134]. Данный факт обусловливает неоднозначность трактовки относительно соотношения объективного и субъективного в тексте. Например, И.Р. Гальперин полагает, что из двух видов модальности – объективной и субъективной – первая вообще не свойственна тексту [Гальперин 1981: 117]. При этом именно субъективно-оценочная модальность является основой концептуального пространства

текста, ибо она представляет собой мнение автора о мире, в основе которого всегда лежит познавательная оценка» [Бабенко 2009: 134 – 135]. А это означает, что и значения объективной модальности, в том числе значения интересующей нас ситуативной модальности (возможность, желательность, необходимость) при их реализации в тексте приобретают оценочную функцию, выступая в роли экспликаторов аксиологических категорий и понятий.

В *четвертом параграфе* рассматривается функционально-иерархический статус модальности и оценочности. Как известно, ряд исследователей рассматривает оценочность как составной элемент модальности (см., например: [Вольф 1985, Тураева 1994, Mrázek 1973]). Другие исследователи полагают, что оценка шире модальности, так как представляет собой основание мнения [Трунова 1991: 81].

Некоторые исследователи, не подвергая сомнению факт тесной связи отношений оценки и модальности, в то же время полагают, что в данных отношениях имеются определенные противоречия и особенности. На это, в частности, обращает внимание Т.В. Маркелова, указывая, что «функционально-семантическая организация двух сопоставляемых категорий в виде функционально-семантических полей позволяет отметить прежде всего их разный характер – моноцентризм ФСП модальности и полицентризм ФСП оценки» [Маркелова 1996: 83 – 84]. При этом автор акцентирует внимание на том, что «парадигматика оценочных структур в ФСП оценки зависит от таких элементов многокомпонентной семантики оценочного высказывания, как объект и субъект оценки, которые отражены в денотативной ситуации высказывания – ментальном акте оценки...» [Там же]. Е.В. Милосердова, вслед за Н.Д. Арутюновой, полагает, что оценочность лишь частично связана с семантикой модальности и ее «целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, представляющую один из элементов окружения модальности» [Милосердова 1991: 5]. Такого же мнения придерживается и А.В. Бондарко. «Налицо, – отмечает ученый, – точка зрения говорящего, его отношение к высказыванию, но далеко не всегда достаточно ясно выражено отношение содержания высказывания к действительности. Скорее всего оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью» [Бондарко 1996: 40 – 41].

С.С. Ваулина объясняет наличие большого количества интерпретаций функционально-иерархического статуса модальности и оценочности от-

сутствием четкой дифференциации понятий «оценочность» и «оценка». Исследователь отмечает, что именно оценочность «является широкой семантической (понятийной) категорией, служащей важнейшим движущим компонентом в процессе познания и в языковой интерпретации познавательных фактов. Оценка же выступает во множестве своих разновидностей – в конкретных общеоценочных и частнооценочных значениях (отдельных оценках), реализующихся в языке посредством разноуровневых (преимущественно лексических и морфологических средств). При этом оценки могут быть как собственно модальными, характеризующими высказывание в плане реальности/нереальности отношения его содержания к внеязыковой действительности с точки зрения говорящего, степени достоверности, возможности, необходимости и т.п., так и немодальными, выражающими целый ряд общеоценочных и частнооценочных значений» [Ваулина 2009: 6].

Данный подход к функционально-иерархическому статусу модальности и оценочности представляется нам наиболее перспективным, так как позволяет исследовать отношение модальности к различным видам оценок. Так, руководствуясь разделением оценок на два вида (эмоциональную / субъективную и рациональную / интеллектуально-логическую) [Вольф, 1985; Коноваленко 1997; Маркелова 1996], некоторые ученые относят к модальности только интеллектуальную оценку [Беляева 1985: 19]. Другие исследователи, признавая тот факт, что «оценка содержится повсюду, где происходит соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [Колшанский 1975: 142], допускают включение эмотивности в структуру модальности. Несколько более осторожной точки зрения придерживается А.В. Бондарко, относящий качественную и эмоциональную оценку к периферии модальности [Бондарко 1996: 40 – 41]. Его мнение в целом разделяет С.С. Ваулина, указывая при этом, что оцениваться в этом случае должно не свойство субъекта (предмета, явления) (ср.: *умный человек, красивое пальто, приятный голос, злой взгляд* и т.п.), а его действие или состояние (ср.: *нехорошо грубить старшим, стыдно быть ленивым* и т.п.), т.е. если оценка эксплицируется предикативным наречием [Ваулина 2009: 5]. Особый интерес в рамках настоящего исследования представляет замечание ученого о большей роли качественной и эмотивной оценки в структуре модальности при рассмотрении диахронического аспекта русского языка. Причина подобной близости обусловлена, по мнению С.С. Ваулиной, «значительно меньшей, по сравнению с современным русским языком, степенью абстрагированности» древнерусского языка [Ваулина 2009:

4], в котором модально-оценочные значения эксплицированы «...обширным набором неглагольных (образованных от качественных прилагательных) форм: *(не)лѣпо, (не)достойно, (не)подобно, (не)добро, (не)правильно, (не)пользно...*» [Там же].

В *пятом параграфе* рассматриваются экспликатеры субъективной модальности, к которым прежде всего относятся средства выражения субъективно-модальных значений (эмоционально-экспрессивной и рациональной и качественной оценки). Средства выражения собственно модальных значений (возможности, необходимости и желательности), формируясь в отношениях между субъектом действия (состояния) и действием (состоянием), в в той или иной мере содержат в себе субъективно-оценочный компонент, вследствие чего приобретают возможность выражать субъективную модальность. К числу основных экспликатеров данных значений относятся лексические модификаторы: модальные глаголы, предикативные прилагательные и наречия, а также адвербиализованные существительные и глагольно-именные сочетания, выступающие преимущественно в сочетании с зависимым инфинитивом. Со сферой субъективно-модальных значений перечисленные слова (и словосочетания) сближает то, что в их лексической семантике заключено значение личного, субъективного отношения к чему-либо [Русская грамматика 1980: 215]. Роль экспликатеров вышеназванных модально-оценочных значений могут выполнять также отдельные грамматические конструкции (предложения с независимым инфинитивом, конструкции с двойным отрицанием, глагольные формы изъявительного наклонения и др.).

В *шестом параграфе* обосновываются принципы выбора текстового материала исследования.

Индивидуально-авторское представление о мире всегда субъективировано, «ибо включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем, позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты» [Маслова 2001: 50]. Кроме того, восприятие действительности зависит не только от сознания конкретного человека, но является компонентом мировоззрения общества [Серебрянников 1988: 24]. Житийные тексты являются важнейшими памятниками книжно-славянской письменности, представляя собой концентрацию ценностных представлений человека древней Руси. Необходимость в создании духовной литературы, к которой относятся жития, возникла в

связи с введением христианства на Руси и, несомненно, послужила причиной того факта, что святость рано стала высшим идеалом, высшей духовной ценностью. Для религиозного сознания святой – «это тот человек, в ком пребывает особый вид духовно благодатного возрастания, называемого святостью» [Гопоров 1995: 12].

Житийная литература понимается нами как совокупность произведений, ориентированных на канон, что проявляется как в постоянстве композиционной структуры, так и в наличии стандартных языковых формул, в связи с чем исследование средств выражения субъективной модальности, отражающей отношение субъекта к действию, а также разные стороны субъективной квалификации сообщаемого, представляется нам особенно важным, так как позволяет обнаружить характерные черты христианского мировоззрения древнерусского человека.

Вторая глава «Средства выражения значений субъективной модальности в древнерусских и старорусских житийных текстах», включающая два параграфа, посвящена функционально-семантическому анализу поля субъективной модальности, реализующейся в языке житий исследуемого периода; рассматриваются особенности функционирования лексических и грамматических экспликаторов значения субъективной модальности, обусловленные религиозной направленностью исследуемых текстов.

В *первом параграфе* рассматриваются лексические средства выражения субъективно-модальных оценочных значений в древнерусских и старорусских житийных текстах, представляющих собой концентрацию духовных ценностей человека. В основе соответствующих ценностей заложена оппозиция философских категорий добра и зла, что обуславливает преимущественную реализацию в исследуемых текстах частного значения моральной оценки.

К ядерным компонентам микрополя моральной оценки в древнерусских и старорусских житийных текстах относятся наиболее частотные лексические экспликатеры, характеризующиеся наибольшей духовной напряженностью – лексемы с корнями *-благ-* (*благлюбивый, благообразный, блаженный, благочестно, благопребывательнѣн, благодатный, благочестивый, благородный, благоплодный, благопотребный, благословенный, благовѣрный, благонамеренный, благоговѣйный, благоуветливый, благоподатливый, благоразумный благосръднѣ, благоукрашенный, благостенъ, преблагнн*); *-добр-* (*добрый, добродѣтельный, добръ, предобрый,*

добронравый, добродородный, преудобреныи, добронравно, добролепно); - *свят-* (*свято, пресвятыи, святыи, пресвященный, святолѣпный, преосвященный, святѣиший, священныи, трисвятыи, всесвятыи, святительскый*); - *бог-* (*божественныи, боголюбенныи, богоугодный, богоподражанный, богоносный, божий, богодухновенный*). Выражая частное значение положительной моральной оценки, указанные лексемы в исследуемых текстах характеризуются максимальной функциональной нагрузкой. Ср.: «И свершившим же ся днемъ рождению, родиста *блаженнаго* детища» (Жит. Авр. Смол., 68); «Повѣдаемъ о чюдотворении *святаго* мученика» (Жит. Дим. Сол., 182); «*Доброму* сему и *преудобреному* отроку аще и в мирствѣмъ устроении живущу» (Жит. Серг. Рад., 298); «*Божественнаго* апостола Павла свыстятъ о немъ глаголюще» (Сл. о жит. Дм. Ив., 214).

Особенно наглядно функционирование соответствующих экспликаторов субъективно-модальных оценочных значений прослеживается в Житии Сергия Радонежского, где соответствующие экспликативы вводятся в текст по мере разрастания духовной мощи святого. Для характеристики святого автор жития использует лексемы с корнем *-добр-* уже с начала повествования, лексемы с корнем *-благ-* – с того момента, когда Сергий Радонежский чудесным образом постигает грамоту, лексема *чюдный* – после троекратного крика в церкви (что подчеркивает уникальность святого, совершившего первое чудо еще до рождения), прилагательное *преподоуный* – после пострижения в монахи, лексемы с корнем *-бог-* – после принятия игуменства, прилагательное *святыи* вводится в структуру текста для характеристики Сергия только после главы «Об изведении источника».

Периферия исследуемого микрополя включает менее употребительные лексические экспликативы, а также грамматические средства, имплицитно реализующие субъективно-модальные оценочные значения, которые обогащают исследуемое поле субъективной модальности, делая его эмоционально насыщенным и экспрессивным.

При этом лексические средства выражения представляют собой широкое разнообразие экспликативов различных модально-оценочных значений:

– морально-нравственной оценки (лексемы с корнями *-чюд-* (*чюдный, чудесный*) -*свет-* (*светлый, просвѣщенный, пресвѣтлый*), -*слад-* (*сладкий, сладкоглаголивый, сладкогласный*), -*слав-* (*православный, славный, преславный*), -*грех-* (*грѣшный, грѣховный, многогрѣшный*), а также лексемы *праведный, милосердый, чистый, честный, мудрый,*

*животворящій, истинный, вѣрный, душеполезный, аггельский, достоу-
вальный, нарочитый, пресловущий, худый, злой, аггельский, душеполез-
ный, тихий, верный, приветливый, утешительный, прилежный, нелице-
мерный, непорочный, смиренный, вседързый, недостойный, немощенъ,
окаянный, лѣнливый, бездѣленъ, неправедный, нечестивый, безбожный,
честный, милосердый,*

– интеллектуальной оценки (*мудрый, грубый, неразумный, безгла-
сенъ, умовреденъ;*

– эмоциональной оценки (*дивный, плачевный, печальный, страш-
ный, ужасный,*

– эстетической оценки *прекрасный, (аггеловидный, аггелопенный.*

Среди грамматических средств выражения субъективно-модальной оценки в исследуемых житиях одним из наиболее ярких и высокочастотных являются конструкции с сослагательным наклонением, использующиеся при реализации топоса «самоуничужение святого» и выражающие частное значение «(не) иметь способность выполнить действие в силу соответствующих навыков, умений, знаний». Данная грамматическая форма посредством союзов *яко, еже, аще* позволяет реализовать в исследуемых житийных текстах различные совмещенные семантические оттенки: возможности и желательности либо возможности, желательности и необходимости. В то же время возвышенность целей, указанных в придаточной части исследуемых предложений, придает высказыванию дополнительное значение положительной моральной оценки. Ср.: «Вложи в сердце благочестивому царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русни, *яко* да православленное христианство от нечестивых насилования исторгнетъ» (Пов. о жит. Фед. Ив., 80); «*Аще* можеша протнвитися мнѣ, то се есмь уже zde, плѣняя землю твою» (Жит. Алекс. Невск., 429); да воспнишутъ к нему согласная и соединительная писания за своими руками, *еже* быти в Велицей Росни патриаршескому престолу (Пов. о жит. Фед. Ив., 86).

Менее частотные побудительные конструкции эксплицируют модальное значение волеизъявления в его конкретной разновидности – мольбы о помощи при написании жития. В древнерусских житиях указанные конструкции реализуют частное значение моральной оценки, что обуславливается преимущественной реализацией данного значения в молитвах святого и подчеркивается тем фактом, что остальные персонажи житий напрямую не обращаются к Богу, прося святого о ходатайстве. Ср.: «...и *дан* же ми разоумъ, просвѣщенъ Божию благодатью...» (Ж. Авр. Смол., с. 60). В княжеских

житиях императив гораздо менее употребителен, молитвенная часть сведена к минимуму, субъектом здесь выступает князь, просящий Бога о помощи и заступничестве, а оценочная функция императива значительно снижается, так как святые князья просят Бога о помощи в битвах, отдавая на божий суд свои грехи. Ср.: «*Вуди, господи, обидящим мя и возбранн борющимся со мною, прими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ*» (Жит. Алекс. Невск., 428). В более поздних житиях морально-оценочный компонент утрачивается, императив начинает функционировать в бытовых ситуациях. Ср.: «*И онъ одного послааъ: «Позови товарищовъ». И он шед да позвааъ ихъ*» (Пов. о жит. Мих. Клопск., 336).

Еще менее частотные в исследуемых житийных текстах инфинитивные конструкции, выступающие в качестве организующего центра предложения, реализуют значения субъективной возможности, объединенные смысловой доминантой «не иметь способности осуществить действие в силу отсутствия достаточной силы веры» и служащие предикативной характеристикой субъекта (выраженного косвенно, формой дательного падежа существительного или, чаще, личного местоимения). При этом рассматриваемые конструкции, обладая высоким эмоционально-экспрессивным потенциалом, играют важную роль в формировании модальной оценки ситуаций и персонажей. Ср.: «*Яко же и самому игумену не стерпѣти, многыя к нему видя притекающаа, и не хотя того, его отлучи и глаголаше: «Азъ за тя отвѣщаю у бога, ты же престани уча»*» (Жит. Авр. Смол., 76).

Риторические вопросы и восклицания, так же малочастотные в древнерусских и старорусских житиях, служат для придания текстам экспрессивности, реализуя в топосе «самоуничужение агиографа» частное значение «(не) быть в состоянии выполнить действие» в силу физического или психического состояния субъекта. Ср.: «*Кто не удивится о семъ, яко тѣлу, вездущну сущю и везому от далних градъ в зимное время?»* (Жит. Алекс. Невск., 438); «*Которыхъ чубо в мире, тако свѣтлое и славное, чести достойное житие просна и имя възрасте над человеки!»* (Жит. Дм. Ив., 222).

К малочастотным средствам выражения различных субъективно-оценочных значений в древнерусских и старорусских житийных текстах относятся также частицы *да, ли, же, о, увы*, которые придают высказыванию дополнительную окраску уверенности (*да, же*), неуверенности (*ли*), эмоциональной отрицательной (*увы*) или эмоциональной положительной

оценки (о). Ср.: *Гна же азъ, последний в иноцѣхъ, не на разумъ свой уповая или яко имѣя что, дрѣзнухъ еже паче моея силы»* (Ж. Кир. Бел., с. 214); *«И яже о немъ воля господня да будет»* (Там же, 266); *«Увы мне, пречестнѣйший мой сиротинче! (Жит. Фед. Ив., 122); «О пастырю добрый, кому стадо свое вручаеши?»* (Там же).

Во *втором параграфе* рассматриваются экспликации собственно модальных значений в древнерусских и старорусских житийных текстах, которые представлены лексическими конституентами, образующими микрополя модальности возможности, необходимости и желательности.

Ядерным конституентом модального микрополя возможности является высокочастотный и обладающий емкой модальной семантикой собственно модальный глагол *мочи*. В переходной зоне от центра к периферии располагается предикативное наречие *(не)мощно*, периферийное место занимают характеризующиеся сравнительно низкой частотностью соответствующих употреблений предикатив *(не)возможно*, глаголы *смѣти, dospѣти, имати, достигати, недоумѣти*, краткие прилагательные *достоннѣ, доволенѣ, мощенѣ*, которые в соответствии со своей семантикой реализуют в исследуемых текстах преимущественно частные значения субъективной возможности «(не) быть в состоянии выполнить действие» в силу физического или психологического состояния субъекта и «(не) иметь способность выполнить действие», в силу наличия (или, напротив, отсутствия) у субъекта соответствующих навыков, умений, знаний. Спецификой их реализации в исследуемых житиях является неразделимость в средневековом языковом сознании понятий «возможность» и «духовная мощь», что проявляется в частности на этимологическом уровне и способствует реализации указанными лексемами частного значения моральной оценки. Ср.: *«Отца во оставити человекъ может, а добра господина немощно оставити»* (Жит. Алекс. Невск., 438); *«И възять къждо сочиво свое, таже тако приговаша дрѣва, яко же темъ довольномъ имъ быти на многы дѣни»* (Жит. Феод. Печ., 358); *«Не смѣем рещи и боимся тебе, честный отче, а гостя твоего отослали быхом отсюду акы бездѣлна и бесчѣстна...»* (ЖСР, 356); *«Възвращаяся къ миру мыслю и пекыися о мирьскихъ, не имать управитися въ жизнь вѣчнѣю»* (Жит. Феод. Печ., 322); *«Кто достигнет поистинѣ исповѣдати довродѣтелнаго житна его, благодати цвѣтущи въ души его?»* (ЖСР, 332); *«Что нареку день той – день скръби и тугы... день захлипания и кричання, недоумѣю рещи – яко день погивели!»* (Сл. о жит. Дм. Ив., 216); *«Блама*

же *доспѣвшу* ему в муж съврѣшенъ, сподобляет и съдана на трапезѣ с собою» (Ж. Кир. Бел., 140). «Аще во искушюся *достойно* противу исправленію его похвалити, нѣ не *възмогу* – грѣбъ сы и неразумичнѣ» (Жит. Феод. Печ., с. 380).

Наиболее ярким показателем неразрывной связи модальности и оценки в религиозной литературе являются экспликативные модальности необходимости (долженствования), поскольку само понятие нравственного долга одновременно включает в себя как значение «правильное, с нравственной точки зрения» (оценка), так и «побуждение к действию» (модальность). Связь семантических категорий модальности и оценочности согласуется с выводами историков культуры, указывающих на цельность средневекового миросозерцания, невычлененность его отдельных сфер, сочетающуюся с уверенностью в единстве мироздания. Отсюда проистекает и недифференцированность нравственных и правовых категорий, где прекрасное представляет собой моральную ценность. Взаимосвязь модальности и оценки наблюдается как в плане выражения, так и в плане содержания модальности необходимости.

Ядерными экспликативными указанным модальным значением являются высокочастотные модификаторы – безличный модальный глагол *подобает*, предикативное наречие *лѣпо*, краткое прилагательное *долженъ*, лексемы с корнем *-нуж-* (*нужа*, *пону́днися*, *нудити*). Например: «Сего блаженнаго великаго князя Михаила Ярославича нѣсть *лѣпо* в забвѣніе ума оставити...» (Жит. Мих. Яросл. Тверск., 68); «Мнѣ же нѣсть *лѣпо* отвратити вѣннѣ отъ царя небеснаго» (Жит. Феод. Печ., 326). «Нынѣ же помяните словеса своя, яже рекосте къ мнѣ въ время свое: *Длъжни* есмы тобѣ служба и дѣтемъ твоимъ главы своя положить» (Сл. о жит. Дм. Ив., 216); «Сему же въправду подобаетъ дивитися, и *достойно* есть ублажити...» (ЖСР, 408); «Ничьсоже отъ таковыхъ принесохомъ въ миръ съ, нѣ нази родихомъся, такоже *подобаетъ* намъ нагомъ проити отъ свѣта сего» (Жит. Феод. Печ., 376); «Нѣ се намъ *подобаетъ* обличити и глаголати вамъ еже на спасеніе души» (Жит. Феод. Печ., 380); «И тако, *пону́женъ* бывъ, истю же намъ виню исповѣда, что ради по граднѣй странѣ ходя о спасеніи града встѣмъ глаголаше» (Ж. Дим. Сол., 198).

Периферийные конституенты рассматриваемого микрополя – безличный модальный глагол *достойт*, предикативные наречия *должно*, *достойно* – также подчеркивают сопряженность морального закона (модальности

долженствования) и положительной этической оценки, эксплицируя частное значение «долженствования, связанного с наличием причины морально-этического характера». Ср.: *Како дѣжно ти есть, възлюбленне, по апостоу, немощи немощных носити, а не себѣ ұгажати* (ЖСР, 328); *«Паки ему достоит чюдитися, что ради не провъзгласи единницу дважды, но паче третицею, яко да явится ученикъ святыя троица...»* (ЖСР, 272).

Ядерным компонентом микрополя желательности является высоко-частотный в житийных текстах рассматриваемого периода модальный глагол *хотѣти*, способный эксплицировать частные значения желания, намерения, стремления выполнить действие. Ср.: *Нынѣ же, аще богъ подасть хотѣлъ ұбо вы писати от самого рожества его... и до самаго преставления* (Жит. Серг. Рад., 262); *Но аще хоцещи съблести землю свою, то приди скоро къ мне и видиши честь царства моего* (Жит. Алекс. Невск., 434); *Преочистованну дүшү пред богомъ хотяше поставити; поистинѣ явися земный аггелъ, небесный человекъкъ* (Сл. о жит. Дм. Ив., 214)).

В переходной зоне от центра к периферии исследуемого микрополя находится модальный глагол *желати*, с которым семантически соотносятся занимающие периферию микрополя глаголы *жадати*, *мыслити* и его префиксальные дериваты *ұмыслити*, *помыслити*, а также глаголы *изволити*, *искати*.

При этом модальные глаголы *желати*, *жадати*, употребляясь преимущественно в контекстах, в которых выражается стремление святого служить богу, а также (что характерно) – стремление братии или мирян приблизиться к святому, т.е. где выстраивается своеобразная иерархия отношений персонажей жития, подчеркивающая святость, богоизбранность его главного персонажа, эксплицируют частное значение «иметь стремление выполнить действие», основанное на религиозном, духовном рвении субъекта. Ср.: *«Желаше же и въ иноческая одѣтися, но никтоже смѣаше рүковъзложение сътворити о нем ради велможа оного»* (Ж. Кир. Бел., 140); *«И отголе начать того ұкарати о братоненавдении, жадааше во zelo, еже поточенү быти»* (Жит. Феод. Печ., 370).

Глаголы *мыслити* (*ұмыслити*, *помыслити*), *изволити*, *искати* эксплицируют частное значение «иметь намерение выполнить действие, связанное с проявлением воли субъекта, обдуманного (избранного) желания

посвятить свою жизнь Богу. Ср.: «Жаляшеси о томъ зѣло и *умысли же самъ своимъ съмѣрениемъ отълучитися на то дѣло*» (Жит. Феод. Печ., 314); «Тако ли *изволился* державѣ его, да толикъ градъ въ толикъ родъ потомъ его и кровью честныхъ ребръ его утвержень вѣроу?» (Ж. Дим. Сол., 202); «И пригласивъ, призва и к себѣ, и благослови его, и о Христѣ цѣлование дасть ему, и въпроси его, глаголя: Да что *ищещи*, или что *хощещи*, чадо?» (ЖСР, 280).

Таким образом, собственно-модальные значения возможности, желательности и необходимости, при их реализации в житийных текстах приобретают способность отражать аксиологические установки автора, передавать субъективные переживания автора и персонажей древнерусских и старорусских житийных текстов.

В заключении излагаются основные результаты исследования.

Проведенный анализ особенностей функционирования средств выражения субъективной модальности в древнерусских и старорусских житийных текстах показал, что субъективная модальность является одним из наиболее значимых структурно-содержательных компонентов данных текстов, отражающих мировоззренческие представления средневекового человека. Формируясь по принципу поля, субъективная модальность представляет собой единство плана содержания и плана выражения. Ядерными конститuentами исследуемого поля субъективной модальности в совокупности его микрополей являются высокочастотные лексические средства выражения субъективно-модальных значений, периферию составляют менее употребительные лексические экспликативы субъективной модальности, безмодификаторные грамматические средства, имплицитно выражающие указанные модальные значения, а также лексические экспликативы собственно модальных значений, формирующихся в отношениях между субъектом действия (состояния) и действием (состоянием) и потому в значительной мере сохраняющих в себе субъективно-оценочный компонент.

Отличительной особенностью микрополей, представленных в рамках поля субъективной модальности, является их диффузность, проницаемость их границ, что наглядно прослеживается в случаях взаимопересечений и взаимонаслоений отдельных модально-оценочных и особенно собственно модальных значений и средств их выражения.

Функционально-семантический анализ, предпринятый нами на материале древнерусских и старорусских житийных текстов, не исчерпывает всех проблем изучения субъективной модальности, но, как нам кажется,

намечает перспективы дальнейшего диахронического исследования модальности как языковой и текстовой категории в непосредственной соотнесенности с другими семантическими категориями, и в первую очередь с категорией оценочности.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора общим объемом 3,4 п.л.:

1. Капрэ Е.Н. О специфике выражения субъективной модальности в древнерусских житийных текстах // Семантические процессы в языке и речи: Сб. науч. тр. аспирантов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 58 – 67 (0,6 п.л.).

2. Капрэ Е.Н. К вопросу о соотношении модальности и оценочности в книжно-славянских древнерусских памятниках // Актуальные проблемы лингвистики, психолингвистики и лингводидактики: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Орск, 2008. С. 124 – 126 (0,35 п.л.).

3. Капрэ Е.Н. О специфике выражения оценочности в книжно-славянских памятниках // Оценки и ценности в современном научном познании: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 221 – 226 (0,4 п.л.).

4. Капрэ Е.Н. Роль средств выражения субъективной модальности и оценочности в реализации топоса "самоуничжение агнографа" (на материале древнерусских житийных текстов) // Семантические процессы в языке и речи: Сб. науч. трудов аспирантов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 45 – 49 (0,35 п.л.).

5. Капрэ Е.Н. Иерархия средств выражения положительной оценки, эксплицирующих эволюцию образа Сергия Радонежского // Поэтика хронотопа: языковые механизмы и когнитивные основания. Вильнюс: Изд-во Института литовского языка, 2010. С. 80 – 88 (0,6 п.л.).

6. Капрэ Е.Н. Лексико-семантические модели ситуативной модальности в Житии Феодосия Печерского // // Казанская наука: Сб. науч. тр. Казань: Казанский издательский дом. 2010. № 9. С. 48 – 50 (0,35 п.л.).

**Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах,
включенных в перечень ВАК:**

7. Капрэ Е.Н. Специфика взаимодействия оценочных и модальных значений в древнерусском тексте (на материале книжно-славянских памятников XIV-XV вв.) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия «Филологические науки». 2009. № 8. С. 42 – 47 (0,45 п.л.).

8. Капрэ Е.Н. О взаимодействии моральной оценки и модальности необходимости в древнерусских и старорусских житийных текстах // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 11. С. 173 – 176 (0,3 п.л.).

Капрэ Елена Николаевна

**СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
В ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТАХ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 03.11.2011 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90¹/₁₆.
Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,6
Уч.-изд. л. 1,3. Тираж 90 экз. Заказ 265.

Отпечатано полиграфическим отделом
Издательства Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

